Роль Верховного суда в системе государственной власти США

Хаустов С.А.

В статье анализируется статус и деятельность Верховного суда, который занимает важное место в конституционно-правовой системе США и играет существенную роль в их политической жизни. На примере знаковых правовых прецедентов показано, что Верховный суд наделен полномочиями высшего общенационального суда и правового арбитра конституционности. Решения Верховного суда развивают конституционно-правовую доктрину в области прав и свобод личности.

Конституция Соединенных Штатов Америки, разработанная и утвержденная Филадельфийским конвентом, вручила федеральную судебную власть «одному Верховному суду и тем низшим судам, которые конгресс будет время от времени учреждать». Тем самым будущему первому Конгрессу, избранному на основе Конституции, вменялось в обязанность создание должной федеральной судебной системы во главе с Верховным судом, а всем последующим конгрессам предоставлялось полномочие реконструировать федеральные суды по своему усмотрению¹.

Учитывая во многом контрольно-надзорные функции парламента (Конгресса) в отношении правительства (президента и назначаемой им Администрации), контроль Верховного суда над законами, принимаемыми Конгрессом и legislатурами отдельных штатов, является важным звеном в системе сдержек и противовесов между различными ветвями власти.

С опорой на англо-американскую традицию Конституция США гарантировала несменяемость федеральных судей и постановляла, что, пока судьи остаются на своих должностях, Конгресс не вправе уменьшать им жалованье. Решение это отвечало принципу разделения властей: судебная власть становилась независимой от законодательной и исполнительной.

Согласившись с принципом несменяемости федеральных судей, Конвент позаботился об их лояльности, введением импичмента, т.е. судебного преследования, осуществляемого Конгрессом. Тем самым, в частности, реализовывалась система «сдержек и противовесов», объявленная интегральной частью «разделения властей»².

Следующим немаловажным делом было определение юрисдикции федеральных судов — в ее размежевании с юрисдикцией судов штатов, не желавших конкуренции. Согласно ст. III федеральной Конституции, судебная власть Соединенных Штатов должна была распространяться на все те дела, которые могут возникнуть из действия самой Конституции, из законов и международных договоров, которые приняты, заключены или могут быть приняты и заключены Соединенными Штатами в дальнейшем. К федеральной юрисдикции были отнесены споры между штатами, между штатом и гражданами другого штата, между гражданами различных штатов и некоторые другие иски, касавшиеся федерации в целом.

В ходе прений, развернувшихся в Конвенте, было внесено предложение о «суперлегислативном контроле», т.е. «надзаконном» контроле, под чем понималось право Верховного суда США объявлять недействующим любой акт Конгресса или legislатуры штата на том основании, что они находятся в противоречии с федеральной конституцией. За него высказались идеолог федералистской партии А. Гамильтон, будущий член Верховного суда Д. Вильсон, будущий председатель Верховного суда О. Элсворт и три других оратора. Эти люди не скрывали своих страхов перед выборными legislатурами, могущими осуществить уравнильные права (leveling-law), с помощью которых «бедные ограбят богатых и потянут страну»³.

Конвент отклонил предложение о конституционной цензуре. Существовали очевидные свидетельства, что в штатах не примут конституционного контроля, поскольку он задевал суверенное право их собствен-

Хаустов Станислав Анатольевич — аспирант Кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России.

ных легислатур решать дела без вмешательства извне.

Противники конституционного надзора настаивали на том, что толковать Конституцию правомочен только Конгресс: если случится, что он преступит границы своей власти, его поправит избиратель. Однако, начиная с 1803 года, Верховный суд США стал проверять принимаемые Конгрессом нормативные акты на

предмет их соответствия или несоответствия Конституции. За двести первых лет своей деятельности Суд признал неконституционными полностью либо частично 114 законов, принятых Конгрессом и 1059 нормативных актов штатов⁴. Подобный порядок закрепил независимое положение Верховного суда относительно других ветвей власти.

Таблица. Решения Верховного суда о признании неконституционными положений федеральных законов и нормативных актов штатов, 1790–1990 гг.

Период	Количество федеральных законов, признанных неконституционными	Количество законов штатов и местных положений, признанных неконституционными
1790–1799	0	0
1800–1809	1	1
1810–1819	0	7
1820–1829	0	8
1830–1839	0	3
1840–1849	0	9
1850–1859	1	7
1860–1869	4	23
1870–1879	8	37
1880–1889	4	45
1890–1899	5	36
1900–1909	9	40
1910–1919	5	118
1920–1929	15	139
1930–1939	13	93
1940–1949	2	58
1950–1959	4	68
1960–1969	16	140
1970–1979	19	193
1980–1989	8	63
Всего за двести лет	114	1088

Следует заметить, что далеко не все факты нарушения Конституции рассматриваются Верховным судом США, большая их часть остается вне поля зрения высшего органа судебной власти страны. Можно выделить два направления — формальное и неформальное — в политике отбора судебных дел к производству⁶. Первое определяется тщательно отработанными приемами и правилами, утвердившимися в практике Верховного суда США. Второе — психологией самих судей, проявляющих особое внимание к «громким» делам. В несколько завуалированной форме суть это-

го направления отражена в словах Председателя Верховного суда Ф.М. Винсона, призывавшего «во имя сохранения эффективности... постоянно заниматься только теми делами, решения по которым имеют гораздо более важное значение, чем сами факты и стороны по делу»⁷. Против подобной практики в свое время выступил О.В. Холмс, который подчеркивал, что важность развивается не посредством «громких» дел, а в ходе разрешения множества малоприметных, но весьма важных для развития права вопросов⁸. В последние годы Верховный суд США придерживается

в основном первого, или формального, направления в отборе дел, не отказываясь при этом и от рассмотрения так называемых громких дел.

Из нескольких тысяч дел, ежегодно поступающих в Верховный суд, последний рассматривает лишь около 150. Большинство из них касается толкования закона или намерения, которым руководствовался Конгресс при принятии того или иного раздела какого-либо законодательства. Однако значительную часть работы Верховного суда составляет определение ответственности Конституции законов и актов исполнительной власти. Эти полномочия судебного анализа конкретно не зафиксированы в Конституции. Скорее они представляют собой принцип, взятый на вооружение Верховным судом в результате прочтения Конституции.

Решения Верховного суда необязательно должны быть единогласными; достаточно простого большинства при условии, что в принятии решения участвуют шесть членов этого органа, составляющих установленный законом кворум. Если принимаются решения, при которых голоса разделились, Верховный суд обычно обнародует мнение большинства и мнение меньшинства (или особое мнение), каждое из которых могло бы послужить основой будущих решений. Часто члены Верховного суда записывают отдельные мнения судей, совпадающие с позицией большинства состава суда. Это делается в тех случаях, когда члены Верховного суда согласны с тем или иным решением, но не по причинам, которыми руководствовалось большинство судей в ходе принятия решения.

С 1988 года круг дел, подпадающих под обязательную апелляционную юрисдикцию Верховного суда, существенно сужен. Теперь сам Верховный суд определяет, какие дела поступают к нему на рассмотрение в порядке истребования дел. О значении этой дискреционной власти можно судить по новой редакции п. 10 Правил Верховного суда США: «Пересмотр в порядке истребования дела (*certiorari*) — это не вопрос права, а вопрос усмотрения самого Суда. Петиция об истребовании дела удовлетворяется, если тому имеются особые и важные причины. Следующие факторы, хотя и не определяют в полной мере характер усмотрения суда, могут служить основанием к пересмотру дела:

1. если федеральный апелляционный суд выносит решение, которое противоречит решению другого федерального апелляционного суда по тому же вопросу; либо решает федеральный вопрос иначе, чем Верховный суд штата; либо настолько отклоняется от принятого и общего хода судебного процесса или санкционирует такое отклонение со стороны нижестоящего суда, что Суд не может не осуществить принадлежащее ему право контроля;
2. если Верховный суд штата решает федеральный вопрос иначе, чем Верховный суд другого штата

- или федеральный апелляционный суд;
3. если суд штата или федеральный апелляционный суд решают важный вопрос федерального права, который не был, но должен быть рассмотрен настоящим Судом, а также если они решают федеральный вопрос иначе, чем настоящий Суд»⁹.

Из приведенных выше положений можно выявить основной критерий отбора дел — наличие в них *федерального вопроса*. Верховный суд США не вправе принимать к производству дела, не подпадающие под его юрисдикцию. Следующим критерием отбора является *действительность спора* между сторонами. Суд не рассматривает гипотетические ситуации, построенные на предположениях. Как отмечалось в решении по делу *Страховой компании Этна Лайф против Хэворта* (1937 г.): «Спор должен быть определенным и конкретным, затрагивающим правовые отношения сторон с противоположными правовыми интересами. Это должен быть реальный и существенный спор по вопросу конкретных средств защиты, которые предоставляются решением дела по существу»¹⁰.

Кроме того, Верховный суд проверяет степень «вызревания» (*maturity*) дела и наличие существенного правового интереса истца в исходе дела. В решении по делу *Объединенные рабочие общественных служб против Митчелла* Верховный суд следующим образом определил свои подходы к решению этих вопросов: «Гипотетически существующей угрозы недостаточно... Как только суды начнут расширять свою юрисдикцию за счет плохо сформулированных споров по конституционным вопросам, они тут же превратятся в органы, занимающиеся политическими теориями»¹¹. В развитие вышеприведенного положения Верховный суд требовал, чтобы истец доказывал «прямой и серьезный ущерб»¹², а также исчерпанность иных, главным образом административных, средств защиты¹³.

Далее, истец должен обладать процессуальной правоспособностью, доказать наличие «логической связи» между законом или иным актом и тем ущербом, который причинен ему. В решении по делу *Фротингем против Меллона* (1923 г.) Верховный суд разработал следующее правило: «Сторона, которая обращается за пересмотром дела, должна доказать не только неконституционность закона, но и причинение или непосредственную угрозу причинения ей прямого ущерба в результате применения закона»¹⁴. В дальнейшем указанное правило дополнялось и уточнялось. В частности, устанавливались такие критерии, как «ясно выраженный и осязаемый ущерб» и «очевидная логическая связь» между ущербом и оспариваемым актом¹⁵. В последние годы Верховный суд в целом несколько смягчил действие правила процессуальной правоспособности, признав правомерность исков о причинении ущерба экономическим интересам истца, о нанесении ущерба окружающей

среде, о нарушении равенства прав либо иных конституционных прав граждан¹⁶.

Еще одним ограничением, в случае если оспаривается конституционность закона штата, служит отсутствие должного толкования закона со стороны Верховного суда штата. «Суды штатов, — неоднократно подчеркивал Верховный суд США, — являются надлежащими судебными органами... для разрешения всех вопросов, возникающих по местному праву»¹⁷. Это правило, как отмечал судья Верховного суда США Р.Х. Джексон, «основывается на разделении между судебными системами штатов и федерации... и ограничивается устранением ошибочных решений, а не пересмотром их обоснования»¹⁸. Опираясь на данное правило, Верховный суд США отказывал в рассмотрении многих конституционных вопросов до «прояснения» позиции судов штатов по законам или подзаконным актам штата.

Наконец, последним критерием отбора судебных дел является отсутствие «политических вопросов». Верховный суд США отказывается от принятия к производству тех дел, которые могут быть решены политическими средствами. К их числу судебная практика относит вопросы внешней политики, организации партий, проведения суда импичмента, ведения дел с индейскими племенами и многое другое. Отказ от рассмотрения политических вопросов нередко вызывает критику, в том числе и со стороны некоторых судей Верховного суда США, которые указывают на политический характер самого института конституционного пересмотра. Следует помнить, писал судья Р.Х. Джексон, что «любое конституционное толкование имеет политические последствия»¹⁹. Но Верховный суд США редко прислушивается к подобного рода аргументам, твердо отстаивая свое право оставаться в стороне от неразрешенных политических споров.

Описанные приемы и правила отбора судебных дел служат, по сути, двум целям. Во-первых, они дают возможность избавить Верховный суд от чрезмерной нагрузки. Во-вторых, позволяют уклоняться от решения многих сложных конституционных вопросов. Судья Верховного суда Дж. Ратледж в связи с этим откровенно заметил: «Верховный суд следовал политике строгой необходимости в отборе конституционных вопросов... Эта политика не ограничивалась только вопросами юрисдикции. Дополнительно Суд выработал собственные правила отбора дел, подпадающих под его юрисдикцию, в соответствии с которыми он избегал принятия ожидаемых от него решений по значительной части конституционных вопросов»²⁰.

Проведенный анализ свидетельствует об ограниченном характере конституционного надзора, но в то же время и о такой его черте, как взвешенность и предельная осторожность в подходах к тем проблемам, от решения которых зависят судьбы страны. В целом Верховный суд США исходит из презумпции конституционности актов федеральных властей и органов власти штатов. И только при наличии «грубого»

нарушения Конституции и невозможности устранения противоречий в законе посредством толкования его норм Верховный суд США приводит в действие механизм конституционного надзора.

Право конституционных судов на рассмотрение исков, подаваемых против тех или иных решений, принимаемых правительствами, является сегодня в подавляющем большинстве демократических стран само собой разумеющимся. Однако двести лет назад, когда такое право оказалось в распоряжении Верховного суда США, это казалось современникам чем-то из ряда вон выходящим.

Решение по делу *Марбери против Мэдисона* (1803 г.), часто называемое самым важным в истории Верховного суда, ввело в практику принцип судебного надзора и полномочия этого суда определять конституционность нормативных актов законодательных и исполнительных органов власти²¹. Это дело возникло в результате политического спора, разгоревшегося после президентских выборов 1800 года, на которых демократ-республиканец Томас Джефферсон победил занимавшего тогда пост президента федералиста Джона Адамса. В заключительные дни пребывания у власти администрации Дж. Адамса Конгресс, в котором господствующее положение занимали федералисты, учредил ряд судебных должностей, включая должности 42 мировых судей в Федеральном округе Колумбия. Сенат подтвердил эти назначения, президент подписал их, и государственный секретарь обязан был скрепить печатью документы о вышеупомянутых назначениях на должность и формально вручить их назначенным лицам. В спешке последних дней работы действующий государственный секретарь забыл вручить документы о назначении на должность четверем мировым судьям, включая Уильяма Марбери²².

Новый государственный секретарь в администрации президента Джефферсона Джеймс Мэдисон отказался вручить эти документы о назначении на должность, поскольку новая администрация была возмущена тем, что федералисты попытались внедрить членов своей партии в судебную ветвь власти. Тогда У. Марбери обратился с иском о признании в Верховный суд, с тем чтобы последний обязал Дж. Мэдисона вручить назначенному судье его документы о назначении на должность.

Если бы Верховный суд занял сторону У. Марбери, Дж. Мэдисон все еще мог отказаться от вручения документов, в то время как у суда не было способов принудительного обеспечения выполнения этого предписания о вручении. Если бы суд вынес решение против У. Марбери, то создавалась опасность простой передачи судебной власти в руки сторонников Т. Джефферсона путем отказа У. Марбери в должности, на которую он имел законное право. Председатель Верховного суда Джон Маршалл разрешил эту дилемму вынесением решения о том, что Верховный суд не правомочен рассматривать данное дело. Мар-

шалл заявил, что Раздел 13 Закона о судебной власти, дающий Верховному суду подобные полномочия, противоречит Конституции, поскольку расширяет первоначальную юрисдикцию Верховного суда по сравнению с его юрисдикцией, определенной самой Конституцией. Отказавшись принимать решение по этому делу, Верховный суд сохранил свое положение окончательного вершителя правосудия²³.

Следует отметить, что институт конституционного контроля не сразу утвердился в правовой системе США как ее неотъемлемый элемент. Так, в течение более чем полувека (!) после вынесения решения по делу Марбери против Мэдисона, Верховный суд США вопросов о конституционности не рассматривал. Лишь в 1857 г., рассматривая дело *Дред Скотт против Сэндфорда*, Верховный суд признал неконституционным закон, допускающий гражданство негров. До сих пор это решение считается «самым позорным за всю долгую историю Верховного суда»²⁴. XIV поправка к Конституции, запретившая дискриминацию и предусматривавшая равное право на гражданство, прекратила действие этого решения.

Активность Верховного суда США в сфере конституционного контроля стала неуклонно возрастать после отмены рабства. Так, если в первой половине XIX в. был признан неконституционным лишь один закон, то во второй — уже 24, а в первой половине XX в. — 53 (особенно бурную активность проявили судьи в период проведения «Нового курса» Ф. Рузвельта: в 1935–1936 гг. неконституционными были признаны 11 актов Конгресса). Ныне институт конституционного контроля законодательно оформлен в нескольких параграфах 28-го титула Свода законов США²⁵.

Одной из наиболее часто повторяемых утверждений, касающихся членов Верховного суда США, состоит в том, что какими бы ни были обстоятельства их назначения, судьи по вступлении в должность всегда решительно проявляли независимость от других ветвей власти, включая независимость от самих президентов, которые их назначили. Зачастую так действительно и происходило. Например, в 1902 году президент Теодор Рузвельт назначил Оливера Уэнделла Холмса-младшего членом Верховного суда США. Менее чем через два года при рассмотрении дела, направленного против трестов и имевшего большое значение для программы Т. Рузвельта, О.У. Холмс голосовал против этого президента. В 1952 году, когда конфискация по решению президента Г. Трумэна основных сталелитейных заводов страны была оспорена на основании положений Конституции, Верховный суд США шестью голосами против трех вынес решение не в пользу президента. Из четырех членов этого суда, назначенных самим Г. Трумэном, двое голосовали против него.

В 1974 году при рассмотрении дела *Соединенные Штаты против Никсона* — дела, связанного с отказом президента Никсона представить суду требуемые судебным приказом магнитофонные

записи Белого дома на основании привилегии исполнительной власти (права президента или губернатора и чиновников не представлять в суд или в легислатуру имеющуюся у них конфиденциальную информацию официального характера) — три из четырех членов Верховного суда США, назначенных Р. Никсоном, проголосовали против него, в то время как четвертый воспользовался возможностью отказа от участия в голосовании.

Принято считать, что большинство американцев ожидает от Верховного суда США, чтобы последний был независимым от других ветвей власти. В 1805 году сторонники Т. Джефферсона, составлявшие большинство в Палате представителей и решительно вознамерившиеся подчинить себе федеральную судебную власть (в которой тогда господствующее положение занимали судьи, разделявшие взгляды федералистов), применив процедуру импичмента, отстранили от должности члена Верховного суда США Сэмюэла Чейза. В соответствии с Конституцией рассмотрение этого вопроса было передано в Сенат, где сторонники Т. Джефферсона имели большинство — 25 против 9, причем для отстранения должностного лица в порядке импичмента требовалось две трети голосов. Однако достаточное число сторонников Т. Джефферсона проголосовало за С. Чейза, и он был оправдан²⁶. С тех пор ни к одному из членов Верховного суда США не применялась процедура импичмента, и вызвавшее противоречия дело С. Чейза является свидетельством того, что независимость судей важнее, чем наличие преимущества у сторонников той или иной партии. Ни один член Верховного суда не был отстранен от должности за всю более чем двухсотлетнюю историю.

И все же очевидно, что функция контроля над деятельностью правительства дается Верховному суду США с большим трудом. Практика рассмотрения судом дел о разделении властей характеризуется противоречивыми чертами и тенденциями. Большинство наблюдателей, изучающих данный предмет с правовой и методологической точек зрения, объясняют такую непоследовательность соперничеством двух непримиримых подходов к истолкованию соответствующих конституционных положений, то есть формализма и функционализма²⁷.

Для формализма характерно наиболее узкое толкование первых трех статей Конституции США, распределяющих три определенных сферы власти между тремя ветвями — законодательной, исполнительной и судебной. Формализм подразумевает запрет при любых обстоятельствах на какое-либо перекрытие сфер действия этих властей, кроме тех случаев, которые прямо предусмотрены в Конституции. При этом формализм полагается исключительно на букву, а не на цель или дух Конституции, тем самым принимая наиболее консервативную форму правового толкования. Приверженцы этой доктрины отказываются корректировать результаты формального толкования

текста документов, сколь неадекватными они бы ни казались.

Функционализм, напротив, старается вникнуть в цель и дух Конституции, учитывает реальное положение вещей и стремится обеспечить эффективное управление государством. В результате функционализм отрицает разделение властей в чистом виде, выступает за их взаимодействие и допускает конструктивное пересечение сфер их ведения ради обеспечения их максимальной эффективности. В то время как сторонники формализма видят роль Верховного суда в предотвращении любых нарушений строгого разделения властей, сторонники функционализма желают, чтобы этот суд контролировал поддержание должного баланса между ветвями власти. На практике он в основном пытался балансировать между формалистским и функциональным подходами, не давая четких объяснений по поводу своего выбора. В результате прецедентное право остается крайне неубедительным и непредсказуемым. Чтобы увидеть это, достаточно лишь вспомнить наиболее важные решения, принятые Верховным судом за последние десятилетия.

В известном деле «Листопрокатная и трубопрокатная компания Янгстауна» против Соьера (*Youngstown Sheet & Tube Co. v. Sawyer*)²⁸, связанном с весьма непростыми вопросами войны в Корее, большинство членов суда согласилось с формалистской позицией судьи Х.Л. Блэка, заключавшейся в том, что, отдав распоряжение о введении прямого государственного управления большинством сталелитейных предприятий, парализованных общенациональной забастовкой, Президент незаконно взял на себя законодательные полномочия, которыми обладает только Конгресс. В действительности же многие наблюдатели сочли более значимыми обоснования, предложенные судьями Ф. Франкфуртером и Р.Х. Джексоном, которые выступили в защиту более гибкого подхода к вопросу о разделении властей. Р.Х. Джексон прямо заявил, что степень президентских полномочий, согласно Конституции, не является постоянной, а может существенно изменяться в зависимости от согласия или несогласия Конгресса. В своем особом мнении он, в частности, отмечал: «Когда Президент действует в отсутствие одобрения или неодобрения своих полномочий Конгрессом, он может полагаться лишь на собственную независимую власть, однако существует зона неопределенности, в которой его полномочия и полномочия Конгресса могут совпадать или распределяться неоднозначно. В связи с этим инерция, безразличие или бездействие Конгресса способны в отдельных случаях, по крайней мере практически, допускать (и даже стимулировать) принятие мер под независимую ответственность президента. В этой области любое реальное испытание власти будет зависеть скорее от требований обстоятельств и существующих неопределенностей, чем от абстрактных правовых теорий»²⁹. Последующая судебная практика

по делам о разделении властей в целом подтверждает силу гибкой аргументации Р.Х. Джексона. Похоже, что необходимость большей осмотрительности суда в случаях, когда между Президентом и Конгрессом достигнуто согласие о разделении полномочий, является поистине неизбежной реальностью американского конституционного права.

Спустя двадцать лет, в разгар Уотергейтского скандала в 1974 году способность Суда тонко чувствовать настроения в обществе и политической элите была продемонстрирована, когда он единодушно отошел от формализма, отказав президенту Р. Никсону в абсолютной свободе определять пределы права исполнительной власти на конфиденциальность записей, сделанных в Белом доме. Подтвердив общее конституционное право президента сохранять конфиденциальность³⁰. Суд решил, что оно не должно «нарушать конституционный баланс “реальной государственной власти” и серьезно ослаблять роль судов, действующих в рамках статьи 3 Конституции»³¹.

Подобный, более прагматичный и гибкий, подход закрепился несколько лет спустя при рассмотрении двух дел, связанных с конституционностью Закона о контроле над федеральными выборами и Закона об охране президентских записей и материалов³³. В последнем случае, где речь шла о праве доступа к документам президента Р. Никсона, Верховный суд не согласился с мнением о том, что все три ветви государственной власти должны быть полностью свободны от прямого или опосредованного контроля или принуждения со стороны какой-либо из них. Более того, суд пошел дальше, признав, что вмешательство законодателей в функции исполнительной власти может быть «оправдано осуществлением целей в рамках конституционных полномочий Конгресса». Неудивительно, что аналогичный гибкий подход использовался и при принятии решения, касающегося предпринятых государством мер по разрешению кризиса с захватом заложников в Тегеране в 1979 году³⁴. Признав, что распоряжение президента Дж. Картера о приостановке рассмотрения всех исков против Ирана, находящихся на рассмотрении в американских судах, не было разрешено законодательством, Верховный суд вновь воспользовался понятием «зона неопределенности» судьи Р.Х. Джексона и сослался на поддержку Конгресса, как элемент, подтверждающий конституционность действий президента. Суд, в частности, указал на молчаливое согласие Конгресса с предыдущей практикой приостановки исков исполнительной властью и, что немаловажно, на отсутствие неодобрения Конгрессом в данном конкретном деле³⁵.

Приведенные решения, принятые до начала 1980-х годов, наглядно демонстрируют значимость политической обстановки при разрешении дел о разделении властей в США. Гибкий функциональный подход, возможно, более пригоден для учета политических соображений. Однако вне зависимости от

выбранной методологии невозможно дать гарантии правовой последовательности, если исход дела зависит от политической поддержки.

В середине 1980-х гг. суд вновь меняет свой подход к толкованию конституционных требований в исследуемой области. Соответственно, в 1983 и 1986 годах он, следуя крайне формалистскому подходу, выносит ряд спорных решений, направленных на то, чтобы положить конец неконституционному вмешательству законодательной власти в компетенцию власти исполнительной (решение по делу Служба иммиграции и натурализации против Чада (*INS v. Chadha*), решение по делу Боушер против Сайнара (*Bowsher v. Synar*)).

В конце 1980-х гг. Верховный Суд, однако, вновь вернулся к более гибкому подходу, возродив тем самым надежды сторонников телеологического толкования. В решении по делу Моррисон против Олсона (*Morrison v. Olson*) суд констатировал, что Закон об этике в Правительстве (*Ethics in Government Act*) 1978 года, создавший пост «независимого прокурора» для преследования высокопоставленных представителей государственной власти, включая президента, за нарушение федерального уголовного законодательства, не вступает в противоречие с принципом разделения властей, несмотря на то что право назначать независимого прокурора предоставлено суду специальной юрисдикции, а не исполнительной власти и что Конгрессу разрешено осуществлять надзор за деятельностью прокурора. По мнению суда, относительная самостоятельность независимого прокурора от исполнительной власти в сравнении с другими федеральными прокурорами не служит препятствием для исполнения президентом своих конституционных обязанностей, поскольку Закон позволяет ему в достаточной степени контролировать деятельность данного прокурора через Генеральную прокуратуру. В результате, по мнению суда, Закон не нарушает должного баланса между ветвями власти и не препятствует исполнительной власти выполнять функции, возложенные на нее в соответствии с Конституцией³⁶.

Некоторые эксперты критикуют, в частности, настойчивое стремление суда выносить решения по вопросам разделения властей, касающимся отношений между президентом и Конгрессом во внутренних делах, тогда как те же вопросы разделения властей с легкостью отклоняются как не подлежащие судебному рассмотрению, когда они

касаются внешней политики³⁷. Так, дело Голдуотер против Картера (*Goldwater v. Carter*) было отклонено в том числе на том основании, что спор между Конгрессом и президентом по вопросу о полномочиях последнего на отказ от участия в должным образом ратифицированном договоре с Тайванем без консультации и согласия Конгресса должен решаться политическими властями³⁸. Почему же подход к вопросу разделения властей в случаях, связанных со спорами между Конгрессом и президентом во внутренних делах, должен быть иным?

В решении по делу Соединенные Штаты против Кертисс-Райт (*United States v. Curtiss Wright Export Corp.*) суд разъяснил, что императив государственного суверенитета, осуществляемого президентом во внешних сношениях, приводит к почти систематическому вытеснению судебной власти из этой области властью исполнительной³⁹. Утверждается, однако, что вопросы, не подлежащие разрешению в судебном порядке, далеко не ограничиваются внешними сношениями. Как отмечал судья Франкфуртер в деле Колгроув против Грина (*Colegrove v. Green*), «в Конституции есть немало требований, выполнение которых не может быть обеспечено судом, поскольку они явно не подходят под условия и цели, определяющие пределы судебной власти. ... Исходя из Конституции, выполнение многих обязанностей в нашей системе власти зависит от надежности актов законодательной и исполнительной властей и, в конечном итоге, от бдительности людей при осуществлении их политических прав»⁴⁰.

Этот далеко не полный перечень примеров вполне достаточен для иллюстрации непредсказуемых изменений судебной практики в вопросе о разделении властей. Это еще раз подтвердили последние решения: Верховный суд продолжает балансировать между формализмом и функционализмом, и едва ли такая ситуация претерпит изменения в ближайшем будущем.

The article deals with status and function of the US Supreme Court that is an important element of the legal law system of the USA. The Court plays essential role in the political life of the country. The significant cases give example of precedents revealing that the US Supreme Court is empowered to be high nation-wide court and arbitrator of constitutionality. The decisions of the US Supreme Court contribute to legal law human rights and freedoms doctrine.

Ключевые слова:

США, Верховный суд, конституционное право

Key words:

United States, Supreme Court, constitutional law

1. The First Congress. March 4, 1789–March 3, 1791: A Compilation of Significant Debates / Williams R.P. (ed.). New York: Exposition Press, 1970. P. 162.
 2. Tanielian M.J. Separation of Powers and the Supreme Court: One Doctrine: Two visions // *Administrative Law Journal of the American University*. 1995. Vol. 8. P. 253.
 3. Черниловский З.М. От Маршалла до Уоррена. М. : Юридическая литература, 1982. С. 8.
 4. Иногда приводятся несколько другие цифры: 125 законов, принятых Конгрессом, 1059 нормативных актов штатов, 117 ордонансов местных органов власти; см.: Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. М. : Норма, 1998. С. 193.
 5. См.: Baum L. *The Supreme Court*, 2nd ed. Washington: CQ Press, 1985. P. 171, 173; Dawson P. *American Government: Institutions, Policies, and Politics*. Glenview: Scott, Foresman and Company, 1987. P. 509.
 6. См.: Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. М. : Норма, 1998. С. 193–196.
 7. Цит. по: Dean H. *Judicial Review and Democracy*. New York: Random House, 1966. P. 153.
 8. *Northern Securities Co. v. U.S.*, 193 U.S. 197, 400 (1904).
 9. Полностью Правила Верховного суда США, принятые 5 декабря 1989 г., опубликованы на русском языке в Харрелл М.Э., Андерсон Б. Равное правосудие на основе закона: Верховный суд в жизни Америки. М.: Манускрипт, 1995. С. 104–142.
 10. *Aetna Life Insurance Co. v. Haworth*, 300 U.S. 227 (1937).
 11. *United Public Workers v. Mitchell*, 330 U.S. 75 (1947).
 12. *Cramp v. Board of Public Instruction*, 368 U.S. 278, 283 (1961).
 13. Подробнее см.: Williams J.S. *Constitutional Analysis*. St. Paul: West Group, 1979. P. 15–16.
 14. *Frothingham v. Mellon*, 262 U.S. 447 (1923).
 15. *Flast v. Cohen*, 392 U.S. 83 (1968).
 16. *Trafficante v. Metropolitan Life Insurance Co.*, 409 U.S. 205 (1972); *Orr v. Orr*, 440 U.S. 268 (1979).
 17. *Murdock v. City of Memphis*, 87 U.S. 590 (1874).
 18. *Herb v. Pitcairn*, 324 U.S. 117 (1945).
 19. Peretti T.J. *In Defense of a Political Court*. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 274.
 20. Williams J.S. *Constitutional Analysis*. St. Paul: West Group, 1979. P. 26.
 21. *Marbury v. Madison*, 5 U.S. 137 (1803). См.: Nelson W.E. *Marbury v. Madison: The Origins and Legacy of Judicial Review*. Kansas: University Press of Kansas, 2000.
 22. Haines Ch.G. *The Role of the Supreme Court in American Government and Politics, 1789–1835*. Berkeley: University of California Press, 1944. P. 352.
 23. Miller A.S. *Politics, Democracy, and Supreme Court: Essays on the Frontier of Constitutional Theory*. Westport: Greenwood Press, 1985. P. 403.
 24. Фридман Л. Введение в американское право. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 155.
 25. Алебастрова И.А. Основы конституционного права Соединенных Штатов Америки // Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть. М. : Норма, 2008. С. 146.
 26. Haines Ch. G. *The Role of the Supreme Court in American Government and Politics, 1789–1835*. Berkeley: University of California Press, 1944. P. 237.
 27. См.: Лобов М. Верховный суд США и проблема разделения властей: пределы правового подхода // Конституционный суд как гарант разделения властей. М.: Институт права и публичной политики, 2004. С. 60–83.
 28. См.: 343 US 579 (1952), известное под названием *Steel Seizure case*.
 29. *Ibid.* p. 871.
 30. См.: *United States v. Nixon*, 418 US 683, 711 (1974).
 31. *Ibid.* p. 707. Важно, что в решении Суда это обоснование поддерживается со ссылкой на мнение судьи Джексона в вышеупомянутом деле Янгстауна.
 32. См.: *Buckley v. Valeo*, 424 US 1 (1976).
 33. См.: *Nixon v. Administration of General Services*, 433 US 425 и далее (1977).
 34. См.: *Dames & Moore v. Regan*, 453 US 654 (1981).
 35. *Ibid.* p. 680, 687.
 36. См.: *Morrison v. Olson*, 487 US 654, 695–696 (1988).
 37. Cutler L.N. *Judicial Interpretation of the Separation of Powers // Politics and the Constitution. The nature and the extent of interpretation*. Washington: National Legal Center for the Public Interest, 1990. P. 38.
 38. См.: *Goldwater v. Carter*, 444 US 996 (1979).
 39. См.: *United States v. Curtiss Wright Export Corp.*, 299 US 304, 317–318 (1936).
 40. См.: *Colegrove v. Green*, 328 US 549, 556 (1946).
-